

НИКОЛАЕВСКИЙ ВЯГОВЕСТ

По благословию Мефодия, Митрополита Астанайского и Алматинского
№ 48 (457), 22 марта 2009 г.

*Спаси, Господи, люди Твоя,
и благослови достояние Твое,
победы православным христианам
на сопротивных даруя, и Твое сохраняя
Крестом Твоим жительство.*

22 марта - В праздник 40 мучеников, в Севастийском озере пострадавших, настоятель нашего храма митрофорный протоиерей Валерий Захаров отмечает день своего тезоименитства

Дорогой Батюшка!

Поздравляем Вас с днем Вашего ангела! Желаем здоровья, радости душевной, Божьей помощи в Вашем нелегком служении, а также помощи Ваших небесных покровителей!

Спаси Вас Господи за Ваши труды и молитвы!

Благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение, и во всем благое поспешение, подаждь Господи ныне тезоименитому протоиерею Валерию и сохрани его на многая и благая лета.

Проповедь в неделю Крестопоклонную

о имя Отца и Сына и Святого Духа.

Четыре раза в году празднуем мы, поклоняемся мы животворящему и страшному Кресту Господню. Один раз - во время Страстной Седмицы, когда, читая Евангелия Страстей, мы видим, как возвышается перед нами святое Распятие, Крест, на котором умер Господь с тем, чтобы мы получили новую жизнь. Второй раз празднуем мы день Воздвижения Креста Господня, когда мы вспоминаем о том, как Крест был найден и как люди, впервые после свьше трех столетий, могли видеть тот Крест, на котором умер Господь, прикоснуться ему, как святыне, облобызать его с трепетом и любовью. Празднуем мы также и происхождение Честных Древ, когда этот же Крест, вернее, небольшая его частица, обносимая в зараженном смертной заразой Константинополе, вернула город к здравью, к жизни, к надежде, и обновила веру в Крест, в милость и любовь Господню. И сегодня, в середине Поста, поклоняемся мы живоносному Господню Кресту.

Каждый из этих праздников несет на себе печать того времени или того смысла, с которым он совершается. Мы с ужасом предстоим перед Распятием в Великий Четверг, мы с изумлением и благодарностью, ликующе совершаем Воздвижение и Происхождение Честных Древ. С каким же чувством приступаем мы сегодня к поклонению Кресту Господню?

Это поклонение совершается на полпути между началом Поста и Страстной седмицей. О чем говорит нам этот Крест? Весь этот период времени говорит нам о том, как Божественная благодать, Божественная любовь, Божественная сила может претворить каждого из нас, освятить каждого из нас, каждому дать новую жизнь, вечную жизнь, как это случилось с тысячами и тысячами, миллионами людей до нас, святыми прославленными и святыми нам неизвестными. Крест говорит нам теперь о безмерной, об изумительной любви Божией. Ведь Бог стал человеком и принял на Себя смерть по любви к нам, чтобы Его смертью мы были спасены от отчаяния греха и от отчаяния смерти. Он все человеческое взял на Себя, кроме греха, и все понес на хрупких и могучих Своих человеческих плечах. Крест нам говорит о том, что мы Богом так любимы, что Господь готов умереть, только бы мы жили, только бы мы ожили от смерти греховной. Будучи так любимыми, разве мы не можем в эти дни Поста, весны духовной, действительно радоваться и ликовать? Мы можем, и поэтому вчера на каноне пелся - не с такою славою, как будет петься в пасхальную ночь, но с тихой, ликующей надеждой - пасхальный канон о Воскресении Господнем. Это жизнь, это не смерть. Крест нам явлен сейчас как надежда, как уверенность в Божией любви и в Его победе, как уверенность в том, что мы так любимы, что все возможно, что мы можем надеяться на все. Как это дивно: знать, что мы Богу так дороги!

Но Крест нам говорит собой и евангельским чтением и о другом. Он говорит, что для того, чтобы жить этой жизнью, этой жизнью новой, этой жизнью вечной, Божией собственной жизнью, надо все пересмотреть. В Евангелии есть слова, обращенные Христом к нам: "Если кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, да возьмет крест свой, и да грядет по Мне". Если кто хочет идти за Мной в вечность, в торжество жизни, в царство любви, он должен последовать за Мной уже теперь, на земле. А последовать за Христом, это значит вступить в новую жизнь, в жизнь, где Бог и мой ближний мне дороже собственной жизни, дороже себя самого. Начинается это с того, что, поняв драгоценность Бога и драгоценность моего ближнего, я действительно от себя могу отвернуться, себя отвергнуть, отбросить, сказав себе: сойди с моего пути, не о тебе моя забота, есть вещи более святые, более прекрасные, чем я сам.

И сказав это, мы берем на себя постепенное умирание, постепенное отвержение себя. Отречение от себя значит, в последнем итоге, научиться любить, а любить, это значит себя забыть до конца, не существовать для себя. Это и значит умереть для того, чтобы жить уже иной жизнью, которой границ нет, глубина которой бездонна. А крест, который мы должны нести, это любовь, забота о ближнем, тревога о нем, озабоченность о том, чтобы и в его жизни совершилась Божия воля, т.е. чтобы к нему тоже пришла вечная жизнь, вечная радость, ликование и торжество.

И еще об одном говорит нам Крест: о том, что все земные, обычные наши, привычные оценки ложны. Во вчерашней службе читался отрывок, молитва, где говорится о том, что Христос был распят между двумя разбойниками. Вы помните, как один из разбойников Его поносил, а другой, глядя на Его умирание, зная, кто умирает, т.е. невинный человек, как он Его тогда видел, обратился к Нему с мольбой о спасении. Первый, видя, как человеческая неправда засудила на смерть невинного, отверг всякий человеческий суд, всякую ложную человеческую справедливость, и возмутился духом, взбунтовался до конца, и стал хулить и Самого Бога, Который такую неправду может допустить. А другой, видя, что и Невинный погибает, понял, что он осужден справедливо, что если и невинный может погибнуть, то конечно, виновному достоин наказание и смерть. И он

обратился к этому Невинному, и молил его о милости и спасении; и это спасение, эту милость Бог ему обещал - и даровал. Действительно, поистине, кающийся разбойник в тот же день оказался со своим Спасителем в раю.

Вот о чем нам говорит Крест, вот почему мы можем сегодня поклоняться этому Кресту на полпути к Пасхе не с израненной душой, не с ужасом, а с такой светлой надеждой. Но, вместе с этим, почему мы должны последние недели Поста провести вдумчиво, пересмотреть жизнь еще раз, новый суд произнести над всеми ценностями нашими, над всеми нашими оценками, и вступить в евангельский путь. Чтобы, когда мы станем в Страстные дни перед ужасом крестных Страстей, мы могли вместе со Христом пройти этот путь, а не быть только зрителями, охваченными ужасом, и могли быть с Ним в ликовании победы и в ужасе поклонения такой непостижимой Божественной любви. Аминь!

Митрополит Антоний Сурожский

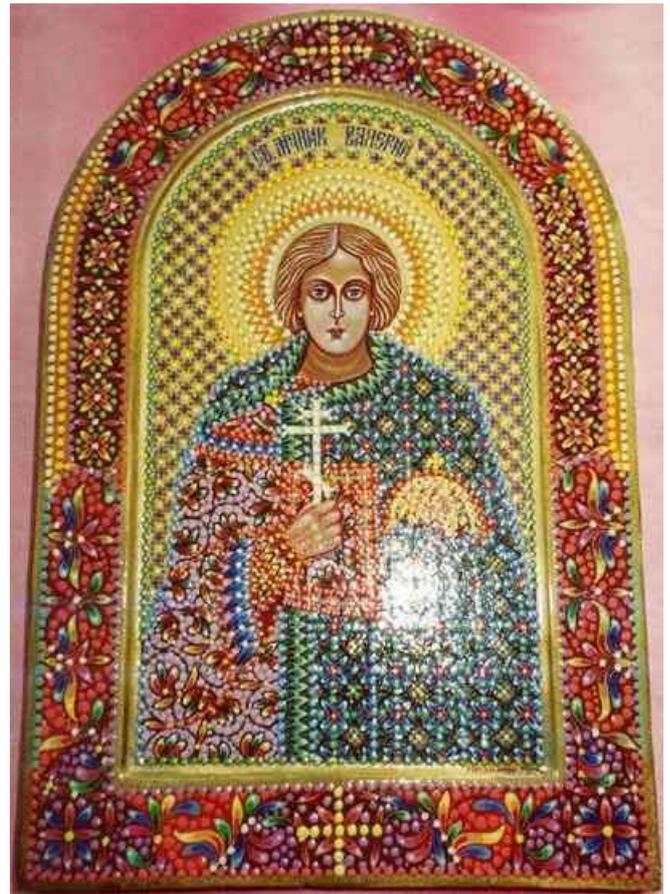
http://www.pravmir.ru/article_933.html

Память Святых сорока Севастийских мучеников

Сегодня, когда мы совершаем память Святых сорока Севастийских мучеников, мы понимаем, что многому можем научиться у этой славной воинской дружины.

Мне бы хотелось обратить Ваше внимание на следующее. Очень часто мы задаемся вопросом: "Почему так неодинаково и неравномерно уходят из этой жизни люди? Кто-то достигает очень зрелого возраста, а кто-то уходит из этой жизни в самом расцвете сил?" Юные воины Севастийские могли бы совершить еще множество славных побед. Но Господь, казалось бы, в самом расцвете сил призывает их к Себе. Мы знаем из опыта нашей жизни, что и младенцы призываются Богом. И невольно возникает вопрос: "Отчего так? Почему в столь разное время Господь призывает к Себе людей?" Мы слышали сегодня в Евангельском чтении слова Христа Спасителя, где Господь говорит нам о призывании. Он говорит: "Я всех призываю". Много званых, но, к сожалению, как мало избранных людей. Нужно отметить, что всякий раз, когда Господь призывает к Себе человека, Он призывает его в самое благоприятное для него время. Другого более благоприятного момента в жизни у этого человека уже быть не может. Поэтому, не будем задавать себе вопросы: "Отчего? Почему?". Господь призывает к Себе людей в разное время - в начале, в расцвете и на закате их жизненного пути. Нам кажется, что мы будем давать Богу отчет за те наши заслуги, за те наши дела, которые мы в земной жизни совершили. Но, призывание Богом людей в различное время, научает нас тому, что не по делам своим мы будем давать Богу ответ, а по мере того, насколько мы могли возлюбить Бога. Жизнь Святых сорока Севастийских мучеников говорит нам о том, насколько они возлюбили Бога. Мне бы очень хотелось, чтобы мы с вами приложили все усилия, для того чтобы постараться возлюбить Бога так, как Его любили Святые Севастийские мученики. Конечно, у каждого человека различная степень любви. Но, для того чтобы понять, что же ожидает от нас Господь, какой любви Он от нас хочет, достаточно привести такой пример. Ваш ребенок, неумелой рукой рисует рисунок, может быть, восходящее солнце, или лужайку с цветами, или неказистый домик и внизу подписывает: "Дорогой и любимой маме". Приносит рисунок Вам. Вы видите, что рисунок несовершенный, безыскусный, но насколько этот подарок приятен, дорог Вам! Так, и Богу приятно и дорого всякое наше к Нему обращение. Конечно, кто-то, как Святые мученики Севастийские могли достичь такого совершенства - пострадать за имя Христово! Но, это - по силам, только людям избранным. Достаточно вспомнить прошлый XX век. Сколько людей отреклось в то время от Христа! Да и среди нас, есть такие люди, которые боялись в то время носить нательный крестик, боялись иметь у себя дома Святое изображение, боялись сказать открыто: "Я - христианин". Это, действительно, величайшее Божественное дарование, данное человеку на его ответную к Богу любовь. Господь не требует от нас, пока, этого подвига. Но, давайте, по мере своих возможностей и сил, постараемся проявить к Нему свою любовь. Может быть, такую простую, наивную и детскую, которую проявляет ребенок к своей маме. Может быть, по милости Божьей, такую совершенную, которую имели Святые мученики Севастийские. Но, каждый, в свою меру, давайте прилагать все усилия, чтобы не на словах, а на деле любить своего Господа.

Вот о чем, всем нам свидетельствует и учит Святая Христова православная Церковь, совершая память Святых сорока Севастийских мучеников.

Я всех Вас сердечно благодарю и прошу, и впредь, совершать свои усердные молитвы о моем недостоинстве.

Хочу всем Вам пожелать многих, спасительных и благословенных лет Вашей земной жизни. Храни Вас Господь и Матерь Божья, молитвами Святых сорока Севастийских мучеников, на многая и благая лета!

Протоиерей Валерий Захаров

*****

России издавна был обычай в день памяти Севастийских мучеников лепить из теста и печь "жаворонков" -- булочки в виде птиц. Почему именно жаворонки? Крестьяне, обращая внимание на то, что поющий жаворонок то взмывает ввысь, то камнем "падает" к земле, объясняли это особым дерзновением и смирением этих птиц пред Богом. Жаворонок быстро устремляется кверху, но, пораженный величием Господа, в глубоком благоговении склоняется вниз. Так жаворонки, по мысли наших благочестивых предков, изображали собой песнь славы Господу, вознесенную мучениками, их смирение и устремленность ввысь, в Царство Небесное, к Солнцу Правды -- Христу.

ТАИНСТВО СОБОРОВАНИЯ (ЕЛЕОСВЯЩЕНИЯ)

Елеосвящение есть Таинство, в котором при помазании тела елеем призывается на человека благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные. "Пространный христианский катехизис"

еловек, над которым совершается Таинство Елеосвящения, должен исповедывать православную веру, прежде елеосвящения готовится к Таинству покаянием и исповедью и после или прежде Елеосвящения приобщается Святых Тайн. Таинство Елеосвящения, как врачевство, может быть повторяемо.

Елеосвящение совершается в собрании, или в церкви, или дома, среди собрания людей. Притом Святая Церковь желает, чтобы при совершении Таинства Елеосвящения (или молитвомаслия) был собор пресвитеров. Отсюда Таинство Елеосвящения именуется "Соборованием". Семь пресвитеров назначается потому, что при Елеосвящении бывает семь чтений из Евангелий, семь молитв и столько же помазаний. Здесь же седмичное число избрано в знак семи даров Святого Духа в подражание числу молитв пророка Илии, которыми он заключил небо на три года с половиною (3 Цар. 18, 43), сообразно числу семикратного погружения Неемана в воду Иорданскую, после чего он очистился (3 Цар. 5, 14). Но Церковь допускает совершение Елеосвящения трем и двум пресвитерам. В крайнем же случае допускается совершение таинства и одному священнику, с тем однако же, чтобы он совершал его от лица собора священников и произносил все молитвы, сколько их есть, и совершал семь помазаний.

При совершении Таинства Елеосвящения ставится стол и на нем блюдо с пшеницею, зерна которой служат изображением зародыша и новой жизни - выздоровления, а также жизни по смерти тела - воскресения (Ин. 12, 24; 1 Кор. 15, 36 -38). Поверх пшеницы ставится кандило праздное (сосуд), в который вливается елей, служащий видимым знаком благодати исцеления (Мк. 6, 13), и вино, в знамение крови Христовой, излиянной на Кресте для спасения людей. Елей должен быть чистый, без примесей. Соединение елея с вином делается в подражание тому врачевству, какое употребил для болящего самарянин (Лк. 10, 34; Новая Скрижаль, ч. 6, гл. 14 § 5). Около сосуда с елеем водружаются в пшеницу семь стручьев, обвитых бумагою (хлопчатою), к помазанию. Обыкновенно сюда же вставляют семь зажженных свечей. На столе, кроме того, полагается Евангелие и Крест. Священники в фелонях становятся около стола; они, равно как и все присутствующие, имеют зажженные свечи. Первый из священников, окадив стол и всех людей, и обратясь к востоку, начинает возгласом: "Благословен Бог наш".

Богослужение Таинства Елеосвящения состоит из трех частей: во-первых, молебного пения; во-вторых, освящения елея и, в-третьих, собственно помазания елеем.

Молебное пение подобно утрени, совершаемой в дни поста и покаяния. После обычных начальных молитв утрени читается (как бы вместо Шестопсалмия) псалом 142: "Господи, услыши молитву мою"; далее следует ектения: "Паки и паки миром Господу помолимся" и, после возгласа: "Яко подобает", поется "Аллилуиа" (так же, как на утрени в дни поста, вместо "Бог Господь"). Затем - тропари: "Помилуй нас, Господи", 50-й псалом: "Помилуй мя, Боже" (поемый на утрени пред канонем); потом поется канон. Припев к канону: "Милостиве Господи, услыши молитву раб Своих, молящихся Тебе". После него - ексапостилларий и стихиры (Требн.). В каноне и стихирах испрашивается больному исцеление от его недугов и болезней. После 3-й, 6-й и 9-й песен канона бывает малая ектения. После стихир поются "Трисвятое", "Отче наш" и тропарь: "Скорый в заступлении

един сый Христе". Затем следует вторая часть богослужения - елеосвящение.

Возглашается ектения: "Миром Господу помолимся", в которой возносятся моления: "О еже благословитися елею сему, силою и действием и наитием Святаго Духа"; "О еже прийти благодати Святаго Духа". Потом первый из священников читает вслух молитву над кандилем и елеем, в которой просит Бога освятить елей и соделать его целительным для помазующегося. Прочие священники читают сию молитву тихо, подобно тому как во время призывания Святаго Духа на Дары в Таинстве Евхаристии при соборном служении. После молитвы поются тропари - Христу Спасителю, святому апостолу Иакову, святителю Николаю Чудотворцу, святителю Димитрию Мироточивому, целителю Пантелеимону, святым врачам бессребреникам, святому Иоанну Богослову и Пресвятой Богородице. Далее следует третья часть богослужения - елеопомазание.

Третью часть Елеосвящения составляют семь чтений из Апостола, столько же чтений из Евангелия, семь молитв и семь помазаний елеем. Чтения и помазания совершаются таким образом: пред каждым чтением Апостола произносится особый прокимен, а после чтения поется "Аллилуиа" с аллилуарием; затем читается Евангелие. После каждого чтения Евангелия произносится одна и та же краткая ектения: "Помилуй нас, Боже", в которой молятся о здравии больного и о прощении грехов ему; вслед за этой ектенией читается каждый раз особая молитва о даровании больному исцеления и прощения грехов. Затем совершается помазание елеем при чтении молитвы: "Отче Святыи". "Вземлет иерей струец и, омочив (его) во святыи елей, помазует болящего крестообразно на челе, на ноздрях, на ланитех, на устех, на персех, на руках обе на стороны" (Требник), - то есть помазываются те части тела, чрез которые грех удобнее вселяется в душу человека. О молитве "Отче Святыи" в Требнике сказано, что "сия молитва глаголется от единого коегождо священника, по еже рещи Евангелие и молитву помазующего вкупе елеем недугующего", то есть молитва "Отче Святыи, Врачу..." произносится тем одним священником, который помазывает елеем. А помазывает по очереди каждый из семи священников, совершающих Таинство. Тот же священник из числа семи, которому приходится помазывать больного елеем, читает пред тем Евангелие и после него особую молитву о недугующем. Обыкновенно он же пред Евангелием, а также пред Апостолом говорит: "Мир всем" и произносит возглас по ектений "Помилуй нас, Боже". После седьмого помазания "больной, приемляй Елеосвящение, аще может, сам входит посреде священников, или держама от своих сих стоит, или сидит. Аще же не может сам, священницы сами обстоят его, на одре лежащего" (Требник).

Настоятель, взяв Святое Евангелие и разогнув его, возлагает письменами на главе больного, как бы руку Самого Спасителя, исцеляющего недужных чрез прикосновение. Евангелие придерживают все священники. Настоятель же не возлагает руки, но читает во всеуслышание молитву, называемую разрешительною, в которой говорит: "Царю Святыи... не полагаю руку мою грешную на главу пришедшего к Тебе во гресех..., но Твою руку крепкую и сильную, яже во Святем Евангелии сем, еже сослужители мои держат на главе раба Твоего" (Требник). Таким образом, в этой молитве, читаемой настоятелем, принимают молитвенное участие и прочие священники тем, что придерживают Святое Евангелие руками. Обыкновенно больной постоянно во время чтения молитвы повторяет "Господи, помилуй". Снятое с главы больного Евангелие дают ему целовать. Затем диакон произносит краткую ектению: "Помилуй нас, Боже", поют стихиры бессребреникам, целителям и Пресвятой Богородице и бывает отпуст, на котором воспоминаются сила Животворящего Креста Господня и молитвы святого славного и всехвального апостола Иакова, первого архиерея Иерусалимского, брата Божия, побуждавшего к совершению Таинства Елеосвящения (Иак. 5, 14,15). Потом больной просит прощения, что составляет принадлежность молитв покаянных (в пост). Больной прежде всего обращается к священникам. "И полагает поклон приемый молитвомаслие, глаголя трижды: "Благословите, отцы святии, простите мя грешного". И приим от них благословение и прощение, отходит, благодаря Бога" (Требник). Таинство почитается оконченным, если иерей освященным елеем успел болящего раз помазать и прочесть совершительную молитву: "Отче Врачу".

<http://www.bogoslovy.ru/sobor.htm>

"Требник митрополита Петра Могилы"

СЛОВО НА ПАСШИИ. ГЕФСИМАНСКИЕ СТРАДАНИЯ, ОТРЕЧЕНИЕ ПЕТРА, БЛАГОРАЗУМНЫЙ РАЗБОЙНИК

о имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Евангельские чтения Святой Четыредесятницы, и особенно служб, связанных с воспоминаниями о крестных страданиях нашего Господа и Спасителя, наполняют наши сердца благоговейным трепетом. Они говорят нам о страданиях и мучениях Невинного - за грешных, Чистого - за нечистых, Сына Божия - за падших людей.

В этих страданиях, в этой борьбе со злом проявилось такое недостижимое духовное величие, такая сила и мощь нравственного характера, которыми могла обладать только Богочеловеческая природа Спасителя мира.

Мы слышали сейчас, дорогие мои, в евангельском чтении страшную повесть о страданиях Богочеловека. Знаем мы, до чего дошла и к чему привела злоба фарисеев.

Учение Христа Спасителя, Его святость, даже самый вид Господа под конец Его общественного служения роду человеческому сделались тягостными для книжников и фарисеев. Они уже не могли спокойно ни видеть, ни слышать Его. Не могли они спокойно видеть в среде своей образ величайшего Наставника в мудрости, Который на то и родился, на то и пришел в мир, дабы свидетельствовать истину.

Свидетельствовал Он ее всюду и перед всеми. Возвещал путь, ведущий в жизнь вечную, и в храмах, и на торжищах, среди городов и весей. Равно свидетельствовал пред римским прокуратором и пред женщиной-самарянкой, пред синедрионом и пред иерихонским слепцом. Пред мудрыми и пред людьми некнижными. Какие обетования жизни вечной не открыты были Им и не утверждены непоколебимо? Какие заповеди не преподавал Он во всей силе?..

Все озарилось светом Его Божественного учения! Глас истины, проповедуемой Господом Иисусом Христом при Его земной жизни, в устах Его был так силен, что сами враги Его должны были умолкать пред Ним и говорить: **"...никогда человек не говорил так, как Этот Человек"** (Ин. 7, 46).

Христос Спаситель явил нам образ величайшего Праведника и Подвижника благочестия. Обращаясь к врагам Своим, **Господь спрашивает: "Кто из вас обличит Меня в неправде?"** (Ин. 8, 46). **И никто не мог обличить Его ни в едином грехе.**

Иудейские первосвященники и старейшины, движимые завистью и ненавистью к Иисусу Христу, постановили предать Его смерти. Послав вооруженных воинов, они взяли Христа, когда Он ночью молился в Гефсиманском саду, и привели на суд к Пилату.

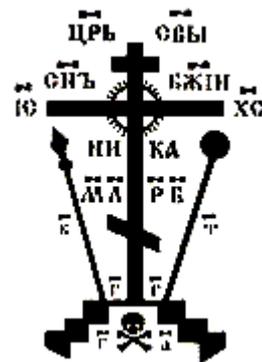
Господь знал, что приблизилось время Его искупительных страданий. Его последние беседы с учениками направлены к тому, чтобы подготовить учеников к предстоящей разлуке и в некоторой степени объяснить необходимость принесения Им жертвы. **"Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши на землю... умрет, то принесет много плода..."** Указывая на пшеничное зерно, умирающее в земле и приносящее много плода, Христос дает апостолам понять, что Ему предстоит умереть за людей, дабы даровать им плоды жизни вечной. Для этого Он и пришел на землю. И вот теперь наступило время исполниться всему этому. Предстояло Господу воспринять тяжкий Крест, и душа Его по-человечески страдала, томилась. Только сознание, что именно для этих тяжких страданий и для того, чтобы, умерев, даровать людям вечную жизнь, дало возможность Христу сохранять бодрость духа.

Мы видим, что в Гефсимании Христос несколько раз обращался к Своему Небесному Отцу: "Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия...", показывая этим, что Он знает, какие страдания ожидают Его. И молится Он, как мы знаем, до кровавого пота.

Через некоторое время Он опять обращается к Богу: "Отче Мой! Если не может миновать Меня чаша сия, да будет воля Твоя..."

Мы обычно вспоминаем о страданиях Господа на Кресте, о Его телесных страданиях и мало обращаем внимания на Его душевные муки и борения. А ведь именно они показывают нам, как тяжел Крест Голгофский. Мы скорбим о том, что ученики Христа оставили Его одного на суде у Пилата и на Голгофе. Но они оставили Его еще гораздо раньше. Уже в Гефсимании Он был одинок. Он просил самых Своих близких Петра, Иакова и Иоанна бодрствовать вместе с Ним и молиться Отцу Небесному. Но они спят... В Гефсимании Господь испытал борьбу двух чувств - любви и страха. Страх понуждает Его просить Отца отдалить Чашу страданий. А любовь к людям, ради спасения которых он пришел на землю, жаждет испить эту Чашу. В этой борьбе победила любовь. Та совершенная, Божественная любовь, которая не знает страха. Благодаря этой любви все дальнейшие страдания Христос принял, не проявляя уже никакого страха... с молитвой о других, а не скорбью о Себе.

Не будем, дорогие мои, забывать о гефсиманских страданиях нашего Спасителя. Они имеют особое духовножертвенное значение. Именно в уединенной гефсиманской молитве Начальник нашего спасения проявил послушание воле Отца Небесного и принес крепкую молитву о нашем спасении. Страдания Господа имеют для нас искупительное значение. Они были из-за нас и ради нас. Своими внутренними,

духовными страданиями Христос очищал наши внутренние нечистоты, заглаживал нашу виновность пред Богом, молил о помиловании нас.

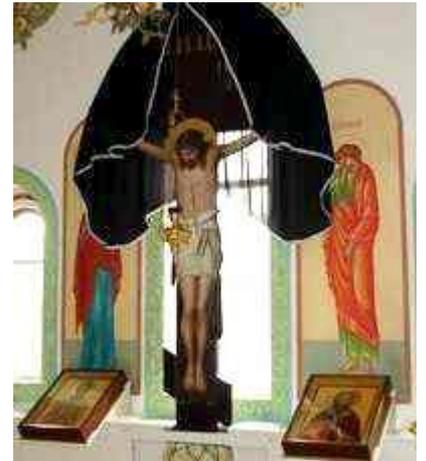
Задумаемся, дорогие, для чего Сын Божий претерпел столько ужасных страданий?! Спросим словами пророка: "Почто червлены ризы Твои?" (Ис. 63, 1-2). И услышим ответ: "Настал давно предсказанный час искупления рода человеческого. Пришло время примирить Бога с людьми". А для этого потребовалась и величайшая жертва. Господь томился великою скорбью о грехах падшего человечества.

Грех - это великое зло. И нет в мире большего зла, чем грех! Это такое зло, за которое сам человек не был способен уплатить правосудию Божию и примириться с Богом. Необходима была жертва Сына Божия.

Мы знаем, дорогие мои, как тяжок бывает всего один грех, совершенный нами, и мучительно наказание за него. Что же, когда грехов больше, чем песчинка на берегу моря?.. В сколь крат увеличивается эта тяжесть? А ее нужно было взять Господу на Себя... А потому неоценимо для нас с вами значение крестных страданий Христа Спасителя нашего. Мы теперь свои, родные и близкие Богу... **Мы теперь можем обращаться к Нему, молиться Ему, приносить свое личное покаяние с уверенностью, что Бог нас слышит и не отвернется от нас, какими бы тяжкими грешниками мы ни были. Мы можем! Потому что по божественной любви ко всем людям испил Господь горькую чашу величайших страданий.**

Из Гефсимании Христос Спаситель идет на суд к первосвященникам, к Пилату и затем на Голгофу. К душевным страданиям Его прибавляются и физические муки.

Но все терпеливо и молча переносит Господь. Он оставлен всеми близкими. Апостолы в страхе разбежались. Не пошел вместе с Ним на суд к Пилату никто из тех, кто так еще недавно "ходил вслед Его", слушал слова Божественного учения, видел чудеса, творимые Им. Никто не пришел к Пилату, чтобы свидетельствовать о Нем в Его защиту. Даже апостол Петр, этот пылкий ученик Христов, который при прощальной беседе уверял своего Учителя: "Если все соблазнятся, я никогда не соблазнюсь... даже если мне предстояла бы смерть - я не отрекусь от Тебя", трижды с клятвой произнес отречение.

Но любвеобильный Господь без осуждения, но с состраданием к немощи человеческой, кротко, хотя и с укором, взглянул на Своего ученика. И этого кроткого взгляда апостол Петр не мог забыть всю жизнь. Сознав свой грех, раскаявшись в нем, Петр безбоязненно нес всюду свидетельство о истине Христовой.

И вот Господа осудили и пригвоздили ко Кресту, этому страшному и позорному орудию казни, и как бы, усиливая позор, рядом поставили еще два креста, на которых распяли двух, действительно, злодеев. Толпа людей, окружавшая эти кресты, произносит злые насмешки и надругательства по отношению к распятому Христу.

На разбойников никто не обращает внимания. А Он, Святой Страдалец, тихо молится за распинателей Своих.

И что же мы видим? Как будто Господь лишен уже всякой возможности проповедовать, учить, творить дела милосердия... Он пригвожден ко Кресту и физически изнемогает от тяжелых ран...

Но Его молитва за распинателей и здесь совершает великое чудо... Чудо просвещения души разбойника, распятого на сосед нем кресте. Разбойник - иначе злодей.

Сердца же злодеев мрачны, полны стремления ко злу и преступлениям. И вот он, сам страдая и видя страдания других распятых, вдруг слышит, что Христос молится за причинивших Ему столько зла: "Отче, прости им, не ведят бо, что творят..."

И эта кроткая молитва изумила и потрясла его душу. Она произвела внезапную перемену в его сердце, в его мыслях. Он понял: так поступать не может обычный человек. Молиться за врагов своих, прощать их может только Бог.

И всем своим обновленным сердцем, всей изменившейся душой он почувствовал и признал в Распятом Бога...

Незримый свет Христов, воссиявший на весь мир со страшного Голгофского Креста, могучей волной проник в сердце разбойника. Волна Божественной любви, изливаясь к погибающему роду человеческому, коснулась и души разбойника. **И из этого внезапно озаренного сердца излились удивительные слова исповедания, признания Распятого Господом: "Помяни меня, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем".**

И слышит он в ответ: "Днесь со Мною будеши в раю!" Пусть же для всех нас будет примером внезапное просветление души распятого со Христом разбойника и вспыхнувшая в его сердце любовь к сораспятому с ним Сыну Божию.

А Христос Спаситель за всех грешников принял позорнейшие страдания и смерть. Он распростер на Кресте пречистые Свои руки для того, чтобы собрать в объятия Свои всех грешников земли, желающих через покаяние вернуться в лоно Отчее. Лишь бы сознание своих грехов и раскаяние было в нас таким же глубоким и искренним, как у Петра и благоразумного разбойника.

Мы имеем Крест Христов как знамение нашего спасения. Он вселяет в сердце даже самого великого

грешника надежду на прощение и спасение.

Какие бы тяжкие тайные грехи ни носили мы в душе своей, станем сейчас поближе ко Кресту. Станем с глубокой верой потому, что "множество содеянных нами лютых" грехов теперь не может приводить нас ни в сомнение, ни в отчаяние.

Но для этого мы должны подражать благоразумному разбойнику в покаянии и Христу Спасителю в прощении тех, кто нас обидел. Без этого не дерзнем обращаться с мольбой ко Кресту. Не на одного только отвершегося Петра смотрит с укором Господь. Вместе со Словом Божиим в сердце каждого человека проникает взор Христов. Он смотрит в душу человека, называющего себя верующим, но своей жизнью не свидетельствующего о Боге. Глубоко смотрит в наши души Господь, вновь распинаемый нашими грехами и оскудением любви и преданности Ему. В Его взоре нет гнева, нет угрозы, нет даже упрека, а одна бесконечная любовь, одна бесконечная жалость к состоянию нашего сердца.

И если сохранилась в нас хоть искра веры в Бога, хоть немного любви к Нему, то мы можем почерпнуть в этом взоре то, что почерпнул Петр, - раскаяние и силу стать истинными свидетелями Господа Иисуса Христа.

Тогда один только взгляд на Крест Христов может утешить нас в несчастиях, вернуть на путь истинный, если свернули с него, умирить ожесточенного, наставить неразумного.

Взирая на Крест Христов, мы видим в Распятом на нем воплощение во всем совершенстве, во всем величии всех добродетелей. И пусть этот Крест будет для нас не только источником утешения и подкрепления в наших трудах и скорбях, но пусть всегда будет нашим учителем.

Взирая на Крест Христов, не будем забывать о том, какой великой ценой мы избавлены от вечной смерти.

Архимандрит Иоанн Крестьянкин

<http://www.ierei-korenev.ru/arhiv/vp2008.html#1-8>

Итоги жизни

Изо дня в день мы живем перед лицом Божиим, изо дня в день мы взрослеем, а затем стареем, мы слышим Евангелие, проходят перед нами образы тысяч святых, из которых многие - родные нам русские святые, мы восхищаемся словами Христа, бывает - душа затрепещет, проснется, и потом мы возвращаемся к той же серой, обесмысленной жизни. Мы просто продолжаем существовать, научившись как-то дотерпеть жизнь, пока она у нас не отнимается. И это так печально, потому что, когда мы думаем о ранних христианах, вспоминаем святых - да вообще глядим вокруг себя на людей, проснувшихся внутренне и не дающих себе заснуть, не дающих себе оконечить, - как они бывают прекрасны! Доносится до нас евангельское слово так звучно, так сильно, эти слова говорил Сам Христос - не на русском языке, не на английском, не на славянском, но те же самые слова, и они насыщены всей силой, всей благодатью, всей личностью Сына Божия, Который стал Сыном Человеческим. Они доносятся до нас мощным гудением, как колокол, - и неужели они, как колокол, должны отзвучать и не принести плода?

Мне вспоминается русское стихотворение, не помню, чье; может быть, я не полностью его вспомню сейчас:

Поздний колокол, звучащий над равниною большою,
Прогреми над сердцем спящим, над коснеющей душою.
Звоном долгим, похоронным, всепрощающе прощальным
Прозвучи над сердцем сонным, безнадежно-беспечальным!
Может быть, оно проснется и стряхнет с себя забвенье,
И, быть может, содрогнется на мгновенье, на мгновенье...

И вот эти слова Христовы, как колокол, доходят до нас, как звук колокола, нас будят - но неужели только на одно мгновение? Когда мы смотрим на свою жизнь - можем ли мы узнать в ней отзвук этого мощного колокола, который зовет нас к жизни? Или наши души остаются такими же безнадежно-беспечальными: и без надежды, и даже с потухшей печалью? Что их может разбудить, что нас может потрясти? Скоро мы будем читать канон Андрея Критского, там тоже есть слова: "Бессильно Евангелие, напрасны пророчества" - Неужели это и о нас можно сказать - о нашей жизни в целом, или, может быть, о недолгом остатке жизни, потому что мы все под Богом ходим и, как говорит служба отпевания, *и здоровые, и младые умирают*, а не только люди, прожившие долгую жизнь и естественно склоняющиеся к земле?

Что же нам сделать, какие слова найти? Я сейчас не о том говорю, будто я ищу слова, потому что, конечно, человеческие слова никого не разбудят, но каким образом могут, могли бы дойти слова Христовы до нас так, чтобы нас привести к жизни? И вот, когда я задумываюсь над собой и над многими, кто приходит ко мне на исповедь, на беседу уже много лет теперь, больше тридцати лет здесь, - меня поражает, что как бы непроходимой гранью, стеной непробитной внутри нас самих, между нами и жизнью, между нами и простором, свободой и радостью стоит сам человек, заграждая себе путь. Потому что большей частью все внимание каждого из нас обращено на самого себя, на то, что он думает, на то, что он чувствует, на то, что он делает, на то, что ему другой человек сказал доброе или злое, на то, чего он ожидает от жизни, на то, что жизнь ему дала или украла у него, - и все сводится к тому, что в нашей жизни звучит единственное слово "я". Я сам, я, я - все время: *моя жизнь тяжела, меня обидели, меня обошли, я радуюсь и так далее.* Так наверно было с самого

начала времени, и неудивительно после этого, что Христос первым условием того, чтобы человек куда-то мог двинуться, мог вырваться из этого плена, ставит отречение от себя: *Если кто хочет по Мне идти, да отвержется себя, да возьмет крест свой и да грядет по Мне* (Мф 16:24).

Но что значит это отречение от себя? Большею частью мы думаем, что отречься от себя - значит устроить себе жизнь, лишённую радостей, жизнь, где все является жертвой, где ничего не остается, что могло бы сердце согреть, ум озарить, - и это не так. Потому что то "я", от которого нам велено отречься, то "я", которое стоит непроходимой преградой между полнотой жизни и мной, это не все "я". Это какой-то поверхностный, мелкий человек, заслоняющий собой весь горизонт, не дающий мне самому быть тем большим человеком, которым каждый из нас мог бы быть и стать.

Отвергнуть себя - значит первым делом понять, что сосредоточить всю жизнь на том мелком человеке, каким мы являемся в повседневности, равносильно тому, чтобы свести жизнь к таким размерам, к такой тюремной узости, в которой можно только задохнуться. И мы на самом деле в этой тьме задыхаемся. Первое, чему мы должны научиться: когда в любом состоянии, при любых обстоятельствах встает мысль: "А что я?" - сказать себе: "Отойди от меня, сатана, отойди от меня, противник, ты думаешь только о том, что земное, а не о том, что Божие, - отойди! Ты мне надоел! Неужели я буду еще, и еще, и еще в жизни видеть только себя самого, склонять слово "я" во всех падежах, сводить все только к тому, что для меня - отрада, для меня - страх, для меня - горе, для меня - скука? Неужели вся жизнь может свестись к этому?" Как она на самом деле сводится, почему она и не жизнь, почему она - тоска, бесплодность для самого человека и для всех окружающих, почему нам так скучно с самими собой и другим так невыразимо скучно с нами? И вот первое, чему мы должны учиться, это - при всех обстоятельствах себе сказать: отойди в сторону, дай мне взглянуть в даль, в простор, в глубину! В этой большой, широкой, глубокой жизни и я найду себе место, но жизнь во мне не найдет места; человек может влиться в жизнь, но всю жизнь ограничить собой нельзя.

Я помню, как-то шел с пожилой, горькой русской женщиной и она все говорила, говорила, говорила только о том, как жизнь ее обошла, как люди ее обидели, как все бессмысленно, как все зло: Остановилась перед кустом колючек и говорит: "Вот вся жизнь!" - а за этим кустом весь простор южного берега Франции: горы, а за горами широкое море, все облитое солнцем, все сияющее летним светом. И я помню, как я ей сказал: "Вот так вы на жизнь и смотрите - только на этот колючий куст, и никогда вам не пришло в голову посмотреть через этот куст или мимо него на всю даль, в которой вы живете, на всю эту необозримую красоту".

С жизнью ее так и было: она видела только колючий куст. Но кто из нас этого не делает в той или иной мере? Когда мы молоды, нас увлекает наша сила, наше участие в жизни, наша реальная или мнимая способность строить жизнь, и поэтому мы сосредоточены на себе, на крепости своей, на возможностях своих. Потом проходят годы, и мы уже встретились с тем, что жизнь не гнется, что жизнь противится нашему усилию, что она ставит свои требования, что она не сдается, что не сдаются и люди вокруг нас, потому что они тоже хотят гнуть жизнь и строить ее по-своему, да не по-нашему. И мы тогда жестеем, но, жестея, мы продолжаем быть сосредоточенными на самих себе: мы должны устоять, мы должны победить, мы должны проложить свой путь - и опять не видим ни жизни, ни людей вокруг себя, проходим мимо каждого и всех, мимо любого события.

Потом, может быть, вспомним, а когда оно перед нами раскрывается, разверзается, мы его даже не видим: мы только смотрим, что в нем есть такого, что можно использовать или что в нем для нас опасно, страшно, вредно. А когда стареем, тогда начинаем или горько вспоминать то, что было, и с горечью думать о том, что могло бы быть, или уходим в себя и делаемся уже вполне для других бесплодными: очень, очень мало людей умеют стареть так, чтобы старость была в своем роде победой жизни, а не постепенным угасанием, которое завершится последним поражением - смертью.

Когда я думал об этой беседе, я вовсе не думал говорить то, что сейчас сказал: я думал, что скажу нечто о старости, о том, как мы можем научиться стареть. И мне вспомнилось стихотворение Баратынского:

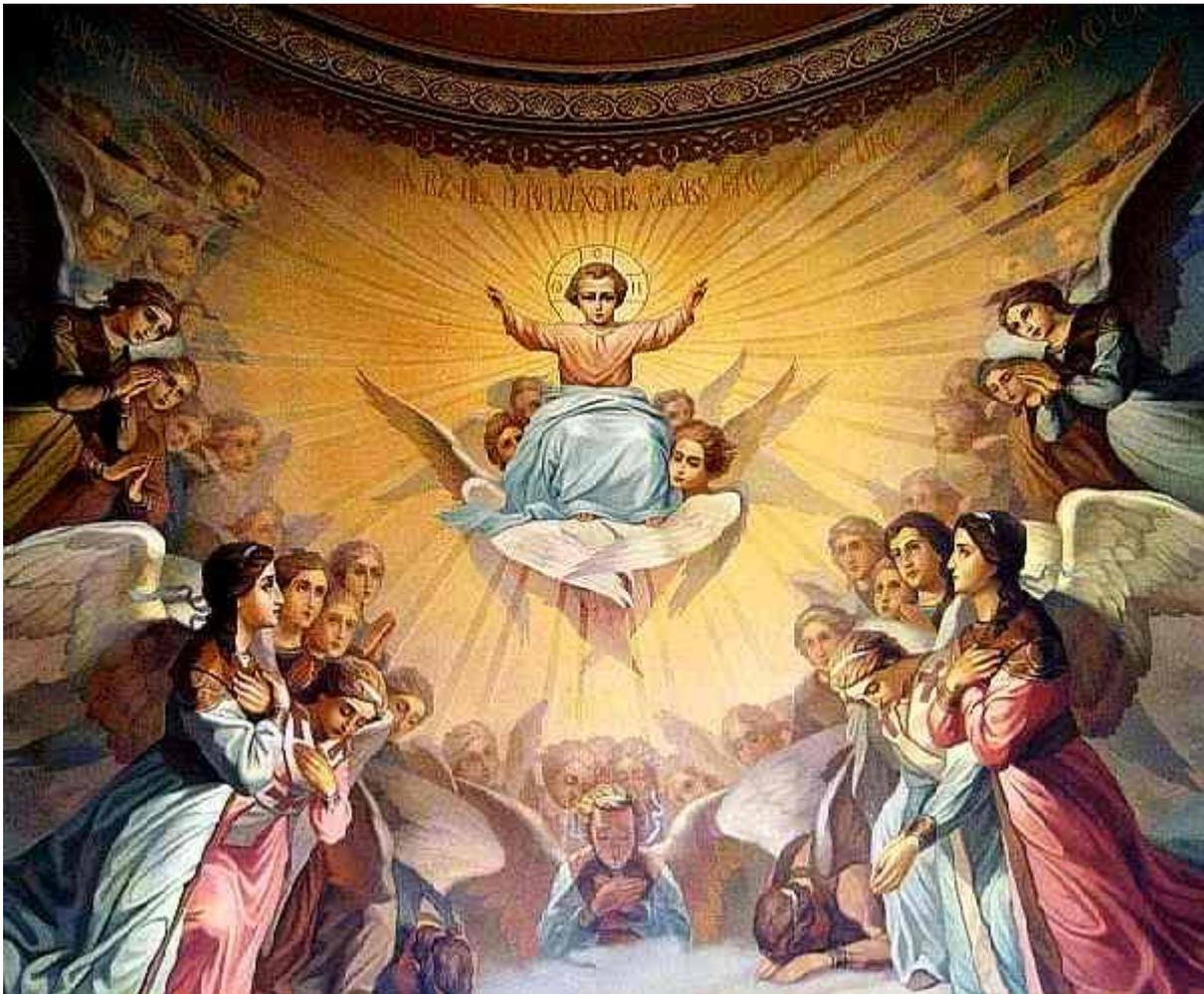
Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!
В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;
Вольной песнью разольется:
Скорбь-невзгода распоеется!
А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,
Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый:
Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

Очень часто именно так мы воспринимаем наступающую старость, что и делает ее бесплодной. Человек говорит, что он "доживает свой век", то есть - костер горел, а теперь надо ждать, чтобы потухли последние огоньки. Но разве это- старость, о которой можно думать как о чем-то осмысленном? Большинство из нас, сидящих здесь, уже вступили в период, когда стареешь или уже достиг старости, а тем, которые еще не достигли этого возраста, может быть, и не вредно подумать о том, как можно теперь строить будущее. Есть стихотворение Виктора Гюго о старости. Он говорит: старик, который выходит из мимотекущих дней и возвращается к первоисточнику жизни, выходит из времени и вступает в вечность, и хоть виден огонь в глазах

юноши, можно видеть свет в глазах старика.

И вот в этом, мне кажется, задача всякого постепенного, но победоносного старения. Большею частью мы потому и не достигаем ничего, о чем когда-то мечтали. Мы стараемся сохранить огонь, крепость тела, живость ума, непреклонность воли и забываем, что все это может от нас уйти, но одного от нас никто не может отнять: живое сердце. Может погаснуть тот огонь, которым мы так легко увлекаемся: уже ум не пламенеет, уже крепость тела не дает совершить то, что можно задумать, уже воля не владеет нами с прежней силой, но есть такой свет, который время не может погасить: это свет сердца - любящего, нежного, ласкового, - сердца, умудренного жизнью. Но об этом сердце меньше всего мы и заботимся, мы даем своему сердцу стать холодным, окаменеть, мы даем ему стать темным и прогоркнуть. И когда ничего в человеке не остается из раннего огня - только сердце могло бы остаться, - оказывается, что ни для себя, ни для других человек это сердце не сохранил, не воспитал.

У каждого из нас еще есть сколько-то времени, чтобы научиться не так жить - уткнувшись в себя самого (как вслед за Феофаном Затворником говорит Александр Ельчанинов: словно стружка, которая свернулась вокруг внутренней пустоты). Давайте подумаем о том, как это сделать. Каждый из нас непременно много раз в жизни испытывал, как бывает тоскливо и скучно с самим собой. Когда человек оставлен один, когда в течение долгих часов, дней или месяцев приходится ему быть одному, не видеть никого - только быть лицом к лицу с собой, какая тоска часто его охватывает! Почему? Из-за той внутренней пустоты, вокруг которой свернулась стружка. Стоило бы только эту стружку расправить, разомкнуть этот круг - и со всех сторон жизнь лилась бы богато, осмысленно. Ведь каждый из нас может себе представить то, о чем я сейчас говорю: эту тоску пребывания с самим собой, но вместо того чтобы сказать себе: я - сам себе враг, я - причина того, что мне так невыносимо с собой, - откроюсь, выгляну в окошко, посмотрю вдаль, обращу внимание на другие существа, на жизнь, не сводя их к себе, а с настоящим живым интересом к другому или к другим, - вместо этого мы стараемся пустоту заполнить опять-таки собой: перебираем прошлое и в прошлом почти всегда перебираем разочарования или горечь, даже светлое мы умудряемся сделать тусклым и безрадостным, вспоминая, как это было и что это все прошло:

Неужели у нас не может хватить просто разума, практического разума приступить к новой жизни? А для этого надо себе сказать, что весь интерес, который я в себе имел, исчерпан, я себя исследовал до конца, нет во мне больше ничего, что стоило бы моего наблюдения, а вокруг столько всего, что стоит моего внимания! Люди есть, события есть, есть свет Божий, есть книги - глубокие, содержательные, есть столько всего, что может оживить душу, но при одном условии: перенести наше внимание на то, что мы делаем, на то, что мы видим, на то, что мы слышим, на того человека, с которым мы имеем дело, а не на самих себя, - вырваться из этого заколдованного и убийственного круга.

Вот что я предлагаю вам сейчас: в течение какого-нибудь получаса посидеть в церкви молча, не разговаривая

друг с другом, лицом к лицу с самим собой, и поставить себе вопрос: справедливо ли то, что сейчас было сказано? Не стою ли я преградой на своем пути? Не набрасываю ли я свою тень на все то, что вокруг облит солнцем? Не прожил ли я всю свою жизнь, весь ее простор и глубину сводя только к себе, думая о том, что мне отраднo, что мне страшно, что мне полезно, что мне нужно? А если так - не могу ли я найти в своем кругу, в кругу своих интересов и людей несколько человек или несколько предметов, на которых я мог бы, в виде упражнения, с усилием, против всех своих привычек, сосредоточить взор и внимание так, чтобы их поставить в центр моей жизни? И спросить себя: кому я могу сделать добро?

Кому я могу послужить на пользу опытом своей жизни - и добрым, и злым опытом жизни? Что я могу сделать при состоянии моего здоровья, принимая в учет мою старость, принимая в учет те или другие свойства моей жизни? Что я могу сказать, что я могу сделать? Кем я могу быть для людей, которые вокруг меня есть, которые все, молодые или старые, нуждаются в своем ближнем, потому что, как кто-то из отцов Церкви говорил, от ближнего нашего нам и жизнь, и смерть. Вот, поставьте перед собой вопрос: для кого я могу быть таким ближним, который приносит не смерть, а жизнь, который вносит в чужую жизнь не безнадежность, не тяжесть, не безрадостное настроение, а ласку, и свет, и тепло?

Это все делается, конечно, не даром; всякий человек, который в жизнь другого захочет внести хоть искру света или каплю добра, непременно должен быть готов за это поплатиться: не искать отзвука, отклика, не искать благодарности, не искать ничего, кроме дивного, Богом данного случая, Богом данной возможности - человеку, которого сотворил Бог, которого Он любит, сделать что-то доброе, быть на его пути благодатью Божией.

Митрополит Сурожский Антоний

http://www.pravmir.ru/article_1674.html

Не отвержи мене во время старости

*Когда промчится моя юность
И станет вянуть, словно цвет,
Тогда, почуяв жизни трудность,
Я буду дряхл под старость лет.
Тогда дел добрых мне не сделать,
Земной поклон не положить:
Больного вовсе не проведать
И беднякам не послужить
О, не прогневайся, Владыко,
На исключимость бытия:
С смиреньем крайним и великим
Молю заранее Тебя.
О, не оставь меня, Безбрежный,
Во время старости моей:
Как дев немудрых не отвержи,
Но удостой любви Своей!*

Игумен Роман (Загребнев)

Страстотерпцы Всечестнии, воины Христовы четыредесяте, тверди оружицы: сквозе бо огонь и воду проидосте, и Ангелом сограждане бысте. С нимиже молитесь Христу о иже верю хвалящих вас: слава Давшему вам крепость, слава Венчавшему вас, слава Подававшему вам всеми исцеления.

Месяцеслов

Воскресенье, 22 Марта 2009 года. Неделя 3-я Великого поста, Крестопоклонная.

40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся.

Мч. Урпасиана. Св. Кесария, брата свт. Григория Богослова. Прав. Тарасия.

Албазинской иконы Божией Матери, именуемой "Слово плоть бысть".

Понедельник, 23 Марта 2009 года 4-я седмица Великого поста.

Мч. Кодрата и иже с ним иных многих. Мчч. Кодрата Никомидийского, Саторина, Руфина и прочих. Прп. Анастасии.

Вторник, 24 Марта 2009 года

Свт. Софрония, патр. Иерусалимского. Свт. Евфимия, архиеп. Новгородского, чудотворца. Прп. Софрония, затворника Печерского, в Дальних Пещерах. Сщмч. Пиония, пресвит. Смирнского, и иже с ним. Перенесение мощей мч. Епимаха. Свт. Софрония, еп. Врачанского.

Среда, 25 Марта 2009 года

Прп. Феофана исп., Сигрианского. Прав. Финееса. Свт. Григория Двоеслова, папы Римского. Прп. Симеона Нового Богослова. Лиддской, нерукотворной (на столпе) иконы Божией Матери.

Четверг, 26 Марта 2009 года

Перенесение мощей свт. Никифора, патр. Константинопольского. Мч. Савина. Мчч. Африкана, Публия и Терентия. Мч. Александра. Мц. Христины Персидской. Прп. Анина пресвитера.

Пятница, 27 Марта 2009 года

Прп. Венедикта. Свт. Феогноста, митр. Киевского и всея России. Блгв. вел. кн. Ростислава-Михаила. Свт. Евхимона исп., еп. Лампсакийского. Феодоровской иконы Божией Матери.

Суббота, 28 Марта 2009 года

Мч. Агапия и с ним 7-ми мучеников. Сщмч. Александра, иерея в Сиде. Мч. Никандра.

Поминовение усопших.